

МИРЫ Г. Л. ОЛДИ

ДМИТРИЙ
ГРОМОВ

ПУТЬ
ПРОКЛЯТЫХ

МИСТИЧЕСКИЙ ТРИЛЛЕР

Эксмо

Дмитрий Евгеньевич Громов

Путь проклятых

Доп. вычитка – i_no_k (проект вычитки книг на Альдебаране)

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=121221

Путь проклятых: Эксмо; Москва; 2005

ISBN 5-699-09028-2

Аннотация

Жестокие и обаятельные исчадия ночи – вампиры Влад и Эльвира – охотники за людьми. Но вот ситуация резко меняется, и начинается охота на самих вампиров. Насколько же реален мир, где по их следу идет Бессмертный Монах? Что находится за гранью? Вожденная свобода? Сумеют ли герои ею воспользоваться?

Содержание

Дмитрий Громов	4
ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ:	5
ПРОЛОГ	9
ГЛАВА I	13
1	14
2	20
3	41
ГЛАВА II	49
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Дмитрий Громов
Путь проклятых

(апология некроромантизма)

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ:

Лицам с неустойчивой психикой, склонным к суициду, читать эту повесть не рекомендуется.

...Когда я очнулся, было два часа ночи. Я лежал на диване в крайне неудобной позе; шея затекла и болела. Голова немного кружилась, и во всем теле была ленивая гулкая слабость, как после высокой температуры. И это еще называется «с меньшей затратой энергии»! Экстрасенс чертов, знахарь доморощенный!...

Я с усилием сел. Генриха Константиновича в комнате не было, а на столе у дивана лежала записка, в отличие от меня, устроившаяся вполне комфортабельно и явно гордящаяся аккуратным, почти каллиграфическим почерком:

«Молодой человек, после сеанса вы сообразовали уснуть, и я не стал вмешиваться в ваши отношения с Морфеем. Дверь я запер, спите спокойно, дорогой товарищ. После сеанса вы можете себя неважно чувствовать – поначалу такое бывает, потом организм адаптируется и привыкнет. Зайду завтра вечером, если вы захотите – проведем еще один сеанс.

Ваш Г. К.»

Ночь я проспал, как убитый – и наутро

самочувствие действительно улучшилось. Я пошел бриться, проклиная свою нежную, как у мамы, кожу – стоит на тренировке почесать вспотевшее тело, как потом три дня все интересуются девочкой с кошачьим характером или наоборот. Вот и сейчас, вся шея исцарапана, и воистину «мучение адово», да еще «Спутником» недельной давности!...

На работе все время клонило в сон, и я чуть не перепутал кассеты во время выдачи, но вовремя заметил. Раньше со мной такого не случалось. Надо будет сегодня воздержаться от сеанса. Хотя в этих «выходах в астрал» есть нечто такое... притягательное, что ли? Как наркотик. Попробовал – и тянет продолжать. Ладно, посмотрим...

15 мая. Только что звонил Серый. Нашу бывшую одноклассницу Таню Пилипчук нашли мертвой возле дома. Как раз после того дня рождения. Говорят, сердечный приступ. Это в двадцать семь лет... А у нее дочка, муж-кандидат... Надо будет на похороны съездить, неудобно. Куплю гвоздик каких и...

Генри Лайон Олди: «Живущий в последний раз», Лист Девятый.

Для наиболее адекватного восприятия этой повести следует перед началом или во время чтения несколько раз прослушать композиции «*The Unforgiven*» и «*Nothing Else Matters*» группы «*Metallica*» из «черного» альбома 1991 г. Если же у Вас имеется CD—проигрыватель, то вставьте в него соответствующий компакт-диск и в режиме программирова-

ния задайте максимально возможное количество повторов вышеуказанных композиций. После чего включите Ваш *CD-player* в режим воспроизведения – и наслаждайтесь повестью и музыкой: они отлично дополнят друг друга, создав неповторимое впечатление мрачной романтики СМЕРТИ!

Да, и не ищите здесь положительных героев. Их здесь нет.

Что-то не так – но выключи свет,
Пусть темные мысли приходят к тебе;
Нет, они отнюдь не белы, как снег:
Сны о лгунах, сны о войне,
Сны о драконьем огне,
И о тех тварях, что норовят
Тебя укусить во сне!...

(«Metallica», 1991)

...Тебе знакомо это ощущение: ты просыпаешься среди ночи в холодной испарине, сердце бешено колотится, норовя выскочить из тяжело вздымающейся груди; слава Богу, это был сон, только сон! Ночной кошмар... Знакомо? Ну конечно, знакомо. Кошмар постепенно тает, исходя зыбкой дымкой нереальности; запредельный, туманящий сознание ужас отступает, оставляя лишь некое «послечувствие» – неожиданно щемящую грусть непонятной утраты. Да, ты успел проснуться на самом пороге Небытия, успел вырваться из реальности сна в реальность скрипучей кровати и смятых простыней – но все же одним глазом ты заглянул в Бездну!

В ту жуткую и заволаживающую Бездну, которая теперь так притягивает тебя.

В Бездну, имя которой – Смерть.

Нечто темное, подспудное, что таится в самом дальнем закоулке твоего подсознания, в глубине твоего сердца – некий «черный огонь» внутри тебя будет теперь вечно стремиться к той последней грани, из-за которой нет возврата; и всякий раз ты будешь замирать на самом краю, испытывая гибельный восторг в предчувствии неизбежного.

Но ты не сделаешь этого, последнего шага.

Твое время еще не пришло. Оно придет, рано или поздно, но, право, не стоит его торопить. Жизнь – все-таки чертовски интересная штука, чтобы до срока расставаться с ней.

И все же...

Почему нам так хочется заглянуть туда, за грань?

Узнать, что там, по другую сторону Смерти?...

ПРОЛОГ

Лунный свет твой сон в земле нарушит,
Полночь бросит колдовской металл.
Пес завоюет по усопшим душам,
Рухнет вниз могильная плита!

Группа «Ария», «Зомби».

...Дверца сейфа закрипела так, словно специально задалась целью поднять на ноги даже мертвых: ржавчина зубов крошится о сиреневое стекло, вот-вот готовое пойти изломами трещин. Ну и ладно, мертвые нам не помеха, а живые, авось, не услышат.

Оба пистолета были на месте, завернутые в заскорузлые от засохшего за эти годы масла тряпки. Главное – не перепутать: «парабеллум» – с обычными пулями, а вот в «ТТ» – аргентум. Кажется, так. На всякий случай проверил. Нет, не забыл, однако, все верно. Теперь – запасные обоймы: четыре к «парабеллуму», две к «ТТ». Все, что есть.

Серая паутинка шороха.

Это там, на лестнице, ведущей в подвал.

«Если это Бессмертный Монах – то прямо сейчас и проверим, насколько он бессмертный!» – зловеще усмехнулся я, передергивая затворы на обоих пистолетах.

Я бодрился, но это давалось через силу. На самом деле я чувствовал себя загнанной в угол крысой. До сих пор никто так и не смог справиться с Бессмертным Монахом. А он год за годом, век за веком продолжал планомерно истреблять нас.

Нас, вампиров.

В пыльном проеме мелькнула невысокая угловатая фигура (робкий зеленоватый сполох) – и я расслабился. Если бы я был человеком, я бы вытер пот со лба. И я действительно, спрятав пистолеты, провел по лбу тыльной стороной ладони. Вот только кожа осталась сухой: мертвые не потеют. За двадцать три года я хорошо усвоил эту истину – но привычка все равно осталась.

Ну и черт с ней, с привычкой.

Привлеченный сейфовым скрипом мальчишка испуганно озирался, и я подумал, что минуту назад сам выглядел точно так же. Только он ничего не видел в темноте, а я – видел.

– Кто тут? – испуганно выдавил паренек и на всякий случай вытащил из кармана нож-«выкидушку».

Я рассмеялся.

– Хреновый у тебя ножик, парень. Китайская штамповка. Спрячь лучше, не позорься.

Как и следовало ожидать, парнишка сделал все точь-в-точь наоборот: поспешно выщелкнул лезвие и замахал своим ножиком влево-вправо.

– Не подходи! – взвизгнул он.

– Фильмов насмотрелся, – констатировал я и потянулся к выключателю. – Ну куда ты машешь, я же здесь!

И вышел из темноты во вспыхнувший тусклый круг света от пыльной лампочки, чтобы он мог меня увидеть.

Увидел.

Попятился, выставив нож перед собой.

– Ну, и что дальше? – поинтересовался я.

– Вы... ты чего тут делаешь?

– А ты?

– Это наш подвал!

– Это ты так думаешь, – опроверг я его притязания.

– Вот я сейчас ребят позову... – неуверенно протянул он.

– Ребят – это хорошо, – одобрил я. – А то тебя одного мне, пожалуй, маловато будет. Я сегодня голодный.

Это была почти правда. Я действительно проголодался. Но... он – не мой «клиент».

– Чего? Ты – чего?

– Голодный я, говорю, – пояснил я и широко улыбнулся, продемонстрировав ему клыки.

Когда панический топот ног стих, я направился к другому выходу. Попугал – и хватит. Все равно ему никто не поверит. Впрочем... теперь уже действительно – все равно. «*Nothing else matters*». По нашему следу идет Бессмертный Монах. Если Генрих не врет, он находил наших всегда и везде. Нашел и убивал. Редко кому удавалось от него скрыться. Сам Генрих тоже знал о Монахе только по рассказам других; и в

первую очередь – своего Отца.

Моя «посмертная» жизнь стремительно рушилась, все летело под откос... «А может, это и к лучшему?» – вдруг подумал я, и внутри что-то сладко екнуло, в предвкушении неизбежного, страшного – но при этом такого манящего, желанного...

Я помнил это чувство.

Впервые я ощутил его, когда понял, кто такой Генрих на самом деле, но изменить ничего уже было нельзя – я умирал, зная, что со мной будет, что это не конец...

И потом, когда я лежал в гробу, уже очнувшийся, но еще не в силах пошевелиться, а собравшиеся в моей квартире дальние родственники деловито обсуждали, как со мной поступить: кремировать или похоронить так? А я лежал и ничего не мог сделать!

Хорошо, что хоронят только на третий день...

Ну а в третий раз... в третий раз это была Она.

ГЛАВА I

NOTHING ELSE MATTERS

Trust I seek and I find in you
Every day for us something new
Open mind for a different view
And nothing else matters.

(«Metallica», 1991)

1

Это неправда, что у вампиров не бывает друзей. У меня, например, они есть. И не только среди таких же неприкаянных покойников, как я сам. Среди живых – тоже. В том числе и тех, кто знал меня еще при жизни. Как это может быть? – спросите вы. – Они что, в гробу меня не видели? Видели они меня в гробу, видели – ну и что? Трудно, что ли, было списать все на летаргию? Трудно, что ли, было обаятельно (без кльков, Боже упаси!) поулыбаться, где надо, сунуть кому надо «на лапу» – и «воскреснуть» официально?

Нет, конечно, проблем хватало. Днем мне на улицу ходу нет, а вечером все похоронные конторы, ЗАГСы, паспортные столы, отделения милиции, ЖЭКи и т. д. закрываются, так что пришлось изворачиваться, выписывать доверенности, давать взятки, а иногда и рисковать своим посмертным существованием – и все же за пару месяцев я все уладил, хотя крови эти паразиты из меня попили немало! Но я на них тоже отыгрался, и попил их крови – уже в буквальном смысле. Так что в итоге парой наиболее закоренелых бюрократов стало меньше.

Только все это были еще цветочки. Те самые, которые поначалу приносят на могилу. (Извиняюсь за черный юмор, но какой еще юмор может быть у вампира?)

Самое худшее было не это. Я до сих пор не знаю, ка-

кое проклятие для вампира худшее: совесть или скука? Наверное, все-таки совесть. По крайней мере, поначалу больше всего досаждала именно она. (Может, это я такой неправильный вампир?)... Или все-таки скука? Со скукой, конечно, можно как-то бороться, притворяясь живым, занимаясь тем же, что и раньше: книги, музыка, фильмы, долгий, едва ли не до утра, треп с друзьями, анекдоты, карты, женщины... О, да, женщины! Я находил в этом какое-то извращенное, садистское удовольствие: знали бы они, с кем ложатся в постель!...

Некоторые из моих партнерш обращали внимание на мои холодные руки, но я неизменно отшучивался: «Они и при жизни такие были!»; при этом я нагло врал: при жизни мои руки были куда теплее!

А потом, во время очередной бурной ночи, на меня нашло затмение, и очнулся я в окровавленной постели, и завыл от бессилия, глядя на разорванное горло и остановившиеся глаза еще недавно так страстно целовавшей меня женщины...

Совесть... Кто не был в моей шкуре, тот не знает, что это такое! Неоднократно я пытался наложить на себя руки, но всякий раз внутри меня поднималась властная темная волна, отшвыривавшая меня назад от той грани, за которой ждали покой и забвение. Генрих был прав: вампиры неспособны покончить с собой. Так что мне оставалось жить (если только посмертное существование можно назвать жизнью), мучиться от сознания того, что я – убийца, монстр, чудовище,

оживший кошмар, бродячий труп, гнусный кровосос, урод гофрированный... как я только себя не называл в припадке самобичевания! – и продолжать убивать. Я ничего не мог с этим поделать!

Что? Выпивать человека не до конца? Оставлять в живых?

Ха – ха три раза! Не бывает!

...Почему?

Не спешите. Всему свое время.

Генрих при очередной нашей встрече объяснил, что лет за двадцать-тридцать это пройдет: я привыкну и стану воспринимать людей не как равных себе существ, а как обычный скот, который изначально предназначен на убой. Успокоил, называется! Тем, кому я разрываю горло, от этого не легче...

Кое – что я все же придумал. Так что в скором времени в городе заговорили о жестокой разборке между криминальными группировками, в результате которой то один, то другой местный мафиозо отправлялся в мир иной, а милиция не очень-то спешила искать убийц.

Так что отделу по борьбе с организованной преступностью я существенно помог и продолжал помогать в меру моих скромных сил до сих пор.

Правда, теперь местные «авторитеты» заметно улучшили конспирацию, и мне все больше попадалась мелкая сошка. В общем, я успешно вел борьбу с преступностью; кое-кто из перепуганных доморощенных гангстеров уже сам спешил отдаться в руки закона, дабы не разделить участь своих кол-

лег. В итоге «криминогенная обстановка в городе значительно улучшилась» – как заявил начальник областного управления на одном из совещаний. Это, само собой, меня, как честного гражданина (пусть и вампира) не могло не радовать – но, с другой стороны, кушать-то хочется! Хотя на мой век отребья хватит. Они как тараканы: не успеешь одних схарчить – глядь, уже новые объявились! Иногда даже противно становится грызть всех этих моральных уродов, но зато совесть потом почти не мучает...

Почти?

Чушь все это! Сам ведь знаю, что чушь. Сказка для детей младшего школьного возраста, которую я сам себе сочинил для очистки совести, и в которую сам же и не верю! А совесть у меня уже почти атрофировалась, одни очистки и остались.

Прав был Генрих.

Теперь, по прошествии двух десятков лет, я это понимаю.

Вампир – санитар общества! Это надо же такое придумать! Гы!

Убийца я. Убийца и кровосос. И циник к тому же. Точка.

И не с совестью я воюю – со скукой! Надо быть честным хотя бы перед самим собой. Выслеживать бандитов, которые потом еще и пытаются сопротивляться, куда интереснее, чем просто схарчить невинную девушку или глупого доверчивого мальчишку.

Однако лет за двадцать охота на бандитов тоже приелась, и старая знакомая – скука – навалилась на меня с новой си-

лой.

Пробовал рисовать (при жизни я тоже этим увлекался). Кое-что выходило даже весьма неплохо – но меня хватило ненадолго. «Успею еще этим заняться,» – думал я, с кривой ухмылкой вешая на стену свой последний кладбищенский пейзаж.

И я вновь начал искать, чем бы заполнить окружавшую меня тоскливую, засасывающую пустоту.

Теперь я уже был умнее. Сперва я отлавливал очередного рэкетира и утолял голод (пару раз потом приходилось менять одежду: эти идиоты взяли за моду палить в любую приближающуюся тень; мне, конечно, на это наплевать (хотя и больно!) – но не идти же после на вечеринку или на дискотеку в простреленном в нескольких местах костюме?! – и только после этого, сытый и благодушный, отправлялся веселиться.

Наверное, мы, вампиры, действительно обладаем какой-то скрытой магией – хотя люди и сильно преувеличивают наши способности. Просто после смерти мы начинаем жить как бы в другом мире. Мы по-другому видим, по-другому слышим, по-другому чувствуем...

Но, кроме того, есть у нас и некий особый «магнетизм», некая необъяснимая притягательность. Генрих как-то назвал это свойство «некрообаянием». Очень похоже. Во всяком случае, мы чем-то притягиваем к себе людей – как притягивают к себе хищники своей смертельно опасной грациоз-

ностью. Причем внешняя красота тут особого значения не имеет – это какое-то внутреннее свойство, которое мы приобретаем... умирая! Действительно, «некрообаяние» – лучше не скажешь!

Так что за последнее время у меня появилось множество новых друзей и знакомых, и я был желанным гостем во многих компаниях. В одной из таких компаний совсем еще молодых людей, которым льстило общение со мной – таким взрослым и загадочным! – я и познакомился с Ней.

Это случилось совсем недавно – каких-то два месяца назад; по нашим (да и по людским) меркам – пустяки. А мне уже кажется, что мы знаем друг друга целую вечность, как ни банально это звучит.

Ты – невинный ангел,
Ангел поднебесья;
В этой жизни странной
Ты не моя!
За тобой тень зверя —
Вы повсюду вместе;
А теперь поверь мне —
Зверь этот – я!

Группа «Ария», «Зверь».

Ее я увидел сразу: разметанное облако рыжих волос, таких пушистых, что мне тут же захотелось зарыться в них лицом; загадочные зеленые глаза, большие, чуть раскосые; нежный атлас губ; и одета Она была, как одевались, кажется, в прошлом веке: атласное платье со шнуровкой – и в то же время вызывающее декольте, наполовину открывающее небольшую тугую грудь. Она напоминала очаровательно невинного и одновременно неуловимо порочного эльфа... Эльфийку? Эльфицу? Нимфу? Нимфетку?... Не важно!

Блики свечей, негромкая музыка, шепот из темноты – все это было романтично и пошло, но сейчас я не видел ничего, кроме *Ее* приближающегося лица и этих огромных зеленых глаз, в которых отражалась, казалось вся комната – вся, кро-

ме меня!

– Тебя можно пригласить на танец?

Малахитовый бархат, переливы золотых блессток – таким был для меня Ее голос.

Я не удержался, взглянул на Нее *изнутри*.

Серебристые сполохи – и за ними трепещет, бьется, складывая и раскрывая крылья, пурпурный мотылек.

Я смотрел, смотрел – и не мог оторваться, уже не обращая внимания ни на кого и ни на что вокруг.

– Конечно! – с опозданием улыбнулся я – и с трудом убрал клыки. Между прочим, Она первая в этой компании сразу назвала меня на «ты».

– Ты не знаешь, что это за песня? Мне она так нравится... – упругий стан под рукой, я прижимаю Ее к себе, и Она поддается, игриво улыбнувшись.

– «*Metallica*». «*Nothing Else Matters*», – не упускаю я случая блеснуть эрудицией. Тем более, что эта песня – одна и из моих любимых, в черно-багровых тонах.

– Trust I seek and I find in you
Every day for us something new
Open mind for a different view
And nothing else matters, —

цитирую я куплет, кажется, довольно удачно подпевая вокалисту.

– А о чем это? – зачарованно распахнутые изумруды с зо-

лотыми искорками в глубине. – А то я на слух плохо понимаю.

– Доверия ищу я – и нахожу в тебе;

Новое для нас есть в каждом дне.

Раскройся, взгляни на мир

Сквозь призму иного зренья —

И больше ничто тогда

Уже не имеет значения!

And nothing else matters...

Коряво и не совсем дословно, но по духу звучит именно так.

– *And nothing else matters...* – задумчиво повторяет Она. – А почему ты не отбрасываешь тени? И в зеркале не отражаешься?

Она первая обратила не это внимание! Первая за двадцать с лишним лет моей «посмертной» жизни!

– Потому что я – вампир, – просто отвечаю я.

* * *

Этого нельзя было говорить, и нельзя было потом провозгласить Ее домой – но для меня уже не существовало «нельзя»! Я влюбился. Влюбился, как мальчишка, как последний дурак; я понимал, что выгляжу полным идиотом, что я не толь-

ко выгляжу – я и есть полный идиот, я делаю то, чего делать нельзя – но я уже не мог совладать с собой!

Оказывается, с вампирами такое тоже случается...

Тогда Она поспешила поскорее удрать со мной, неумело соврав, что Ей уже пора домой, но одна идти Она боится, так что не мог бы я Ее проводить?

– Одна – боишься, а вдвоем с вампиром – нет? – усмехнулся я, продемонстрировав на этот раз свои клыки.

Я все еще пытался удержать Ее и себя – отпугнуть, оттолкнуть... В глубине души (кстати, а есть ли у меня душа? впрочем, не важно...) – в глубине души я понимал, что добром это не кончится – ни для Нее, ни для меня.

– *С тобой* – нет! – улыбнулась в ответ Она. – Ты ведь *меня* не укусишь?

– Кусают собаки, – проворчал я. – А мы – целуем... Нет, не укушу. Я сегодня сыт.

И мы потихоньку выскользнули за дверь.

Ну конечно же, куда Она не спешила, просто Ей не терпелось остаться со мной наедине. И засыпать меня вопроса-ми.

А для начала мне пришлось дать Ей пощупать свои клыки – чтобы Она могла убедиться, что они – настоящие. Это было глупо, но я не смог отказать Ей.

Она убедилась.

И вот тогда Ее прорвало!

Я почти не врал – лишь иногда уклонялся от прямых отве-

тов. По дороге я рассказал Ей многое из того, что в свое время сам узнал от Генриха, который тогда еще был для меня загадочным Генрихом Константиновичем; впрочем, мне и сейчас далеко не все в нем понятно: бывший врач, психолог, весьма эрудированный человек, «вычисливший» тогдашнего старейшину городских вампиров и фактически спровоцировавший собственное Приобщение к не-мертвым. Зачем? Этого я не мог понять ни тогда, когда, захлебываясь предсмертным хрипом и гибельным блаженством подступающей смерти, судорожно глотал густую черную кровь из вены Генриха – чтобы вместо смерти обрести мучительную Вечность – ни сейчас, когда походя раскрывал Ей наши сокровеннейшие тайны...

Интересно, а меня Генрих «приобщил» в порядке эксперимента, или по каким-то другим соображениям?

Нет, конечно, я не рассказал Ей *все*, не настолько я все же сошел с ума, да и не успел бы я рассказать *все* за эти полтора часа блужданий по ночному городу – но рассказал я больше, чем достаточно. Если бы об этом узнали наши, особенно Генрих...

А Она... Она была несколько разочарована! Маловато, видите ли, романтики оказалось в посмертной «жизни» вампира! Сырые, пахнущие землей и тлением гробы, грязь на помятом пиджаке и во всклокоченных волосах, безумные, горящие глаза – и вечный голод, терзающий тебя изо дня в день, и кровь на твоих губах, ее сладостный, пьянящий вкус

– и отрезвление, которое приходит, когда ты видишь у своих ног мертвеца с развороченным горлом и остекленевшими глазами, в которых застыл смертный ужас. Твоя первая жертва. Человек, который только что смеялся, шутил, считал тебя своим другом, таким же *человеком*, как и он сам – и вот теперь он лежит, холодный и мертвый, зато ты – сыт. Сыт на несколько дней, а потом голод вернется, и тебе снова придется отнять чью-то жизнь. И ты сходишь с ума от тоски и безысходности, ночной мрак течет вокруг вязкими пластами, и скалится с неба щербатый череп луны; а ты не в силах ничего изменить, не в силах даже положить конец собственному существованию!

Какая уж тут романтика...

Некоторое время мы шли молча.

– Так ты... мертвый? – неожиданно повернулась она ко мне и посмотрела мне прямо в глаза.

Мне показалось, что я сейчас утону в этих изумрудных озерах.

– Да, мертвый, – хрипло выдохнул я.

Дышать мне совершенно не обязательно, но когда разговариваешь или куришь – приходится. Одна радость для вампира – сигареты на здоровье аж никак не влияют! Пока жив был, думал бросить, а так – зачем? Рак мне теперь точно не грозит.

– Нет, ты... ты живой! – прошептала она. – И руки у тебя... они теплые!

Вот так новость!

– ...Ничего, сейчас будут холодные!

Это ж надо было настолько забыться и потерять бдительность! Оказывается, за нами уже некоторое время шли двое крепеньких бритоголовых парней в кожаных куртках, явно дожидаясь, пока мы свернем в какой-нибудь глухой переулок.

Дождались.

Они были уже рядом и явно не рассчитывали на серьезное сопротивление.

Я – тоже.

Мне было совершенно все равно, что их интересовало в первую очередь: Она или содержимое моих карманов. Результат был ясен заранее. Ладно, сейчас повеселимся!

То, что вампиры обладают сверхъестественной физической силой – правда. Да и реакция у нас чуть лучше, чем у людей. Так что я не стал применять никаких хитрых приемов (тем более, что и не знал их), а просто-напросто схватил того, что был поздоровее, за горло и, как любят это показывать в фильмах ужасов, слегка приподнял над землей. Фильмы фильмами, а действует подобная штука действительно весьма эффективно. Если, конечно, у вас хватит силы приподнять одной рукой человека тяжелее себя и подержать его некоторое время в воздухе на вытянутой руке, с доброй улыбкой глядя ему в глаза.

Шея у парня оказалась крепкая – не сломалась сразу.

Второй «биток», или «урел», как у нас называют подобную мразь, сразу не сообразил, что происходит, и попытался пырнуть меня ножом. Я не стал ему мешать, подождал, пока нож войдет мне в бок – и наотмашь ударил «битка» свободной рукой по физиономии. Ударил не в полную силу, так, чтоб голова не оторвалась, но ему хватило и этого: отлетев метров на пять, он врезался своей бритой башкой в стену и на некоторое время успокоился.

Первый «клиент» продолжал хрипеть и трепыхаться в моей руке, но я, не обращая на него внимания, обернулся к Ней. Кажется, Она даже не успела испугаться – и теперь завороченно смотрела на меня своими огромными изумрудами. Черт, они чуть ли не светились в темноте! Здорово!

– Сейчас я, пожалуй, немного перекушу, – сообщил я Ей. – Это не слишком приятное зрелище, так что лучше отвернись.

– Ой, нет, мне интересно! – Она чуть ли не подпрыгнула от радостного возбуждения. – Но если ты стесняешься...

– Это Я стесняюсь?! Ну, тогда смотри! – не слишком вежливо буркнул я и впился в горло парня в кожанке...

Нет, обычно я ем куда аккуратнее, но сейчас я специально работал на Нее. Похоже, я подсознательно старался вызвать у Нее отвращение, ужас, гадливость – чтобы Она в страхе бежала от меня. Я понимал, что так было бы лучше – и в то же время я не хотел этого! Я хотел быть с Ней...

Я исправно чавкал, булькал, сопел, разодрал горло парню

чуть ли не надвое, вымазался в крови – и в таком виде обернулся к Ней.

Аттракцион «Упырь за обедом».

Смотри, смотри, девочка! Вот она, «романтика»!

– Ну, как зрелище? Впечатляет? – осведомился я, пуская кровавые слюни.

– Дурак ты! – неожиданно рассмеялась Она. – Меня испугался? А я тебя – нет! Ты мне все равно нравишься. Ты... не такой, как все! Другой.

– Конечно, другой. Упырь-кровопийца, – на этот раз я разозлился не на шутку. Да и вообще, Она что, не понимает, что происходит?! Только что у Нее на глазах я загрыз человека, стою весь в крови, а Она смеется! Или для Нее это всего лишь игра?

– Ну зачем ты так? – Она шагнула ко мне и провела ладонью по моей щеке.

Потом изумленно уставилась на свои вымазанные в крови пальчики – и только тут на Ее лице наконец-то появилось выражение растерянности и брезгливости.

– Вытри лицо... пожалуйста, – Она, потупившись, нервно комкала в пальцах платок, пытаясь оттереть быстро засыхающую кровь.

– Хорошо, – кивнул я, сжалившись. – Но сначала разберусь со вторым. Свидетелей я не оставляю.

И направился к начавшему приходить в себя второму «урелу».

На этот раз япил аккуратно, прокусив лишь две небольшие дырочки и не пролив ни капли крови. Впрочем,пил я уже через силу: это был третий «клиент» за сегодня! Ничего, зато, считай, с неделю смогу не выходить на охоту. Наемся впрок, как удав...

Когда я понял, что больше в меня уже не влезет, и оторвался от горла парня, тот все еще шевелился. Но оставлять его в живых было никак нельзя, так что я одним коротким движением свернул ему громко хрустнувшую шею.

Он дернулся и обмяк.

Проверяю содержимое его карманов. Деньги всем нужны, даже вампирам. На одни новые костюмы, взамен простреленных, знаете, сколько уходит?!

К Ней я намеренно не оборачиваюсь – пусть глядит, как я мародерствую!

Теперь – замести следы. На пару маленьких ранок у человека со сломанной шеей никто, скорее всего, не обратит внимания. А вот с первым «клиентом» надо что-то делать. Пусть решат, что над его горлом бродячие собаки поработали, а умер он, к примеру, от...

Раздумывая над тем, от чего мог бы умереть первый «урел», я кое-как отер лицо (дома отмоюсь как следует) и наконец повернулся к Ней – чтобы, бросившись вперед, подхватить Ее в последний момент: до Нее наконец-то дошло, что все это – всерьез, и нервы у девушки не выдержали.

На какой улице Она живет, я уже знал (сама рассказала по

дороге), так что я легко подхватил Ее на руки и понес в сторону дома – Ее дома – справедливо рассудив, что приключений на сегодня явно хватит, а привести Ее в чувство я успею и на пороге родных пенат.

Ну и картинка небось была со стороны – просто классическая: вампир с горящими глазами и окровавленными клыками несет на руках лишившуюся чувств девушку! Скажи кому, что это я Ее домой доставляю, чтоб не случилось еще чего – ну никто б ведь не поверил!

Очнулась Она сама, еще задолго до своего дома. Определил я это довольно просто: Она неожиданно обвила мою шею руками и плотнее прижалась ко мне. Потерявшие сознание обычно так себя не ведут!

– Извини меня. Я не думала, что это так... страшно. Я понимаю, ты ведь меня защищал, и ты не мог по-другому... Ты не обижайся, я тебе очень-очень благодарна! Ведь если бы не ты... А к *этому* я привыкну. Честно! Это я с непривычки...

– К чему это ты привыкать собралась? – я даже остановился, продолжая держать ее на руках, а Она тоже не спешила высвободиться, обнимая меня, и это было настолько приятно...

– Как – к чему? Мы ведь с тобой не в последний раз видимся? Ты же не исчезнешь?

– Не исчезну, – с обреченным облегчением, чувствуя, как рушится моя «жизнь», кивнул я.

– Ну вот! – я почувствовал, что снова тону в этих радост-

ных зеленых озерах. – Я привыкну видеть, как ты... ешь!

Я чуть не уронил Ее. Мы были уже совсем недалеко от Ее дома, и я аккуратно поставил девушку на землю. Нет, Ее непосредственность меня когда-нибудь доканает!

– Да, ты прав, – спохватилась она, – мне пора. Мы увидимся завтра?

– Возможно, – попытался уклониться я от прямого ответа.

– Нет, если тебе со мной неинтересно, ты скажи, я не обижусь...

Она, кажется, готова была расплакаться оттого, что вампир не хочет встречаться с Ней. Да тебе не плакать – радоваться надо, девочка! И молить Бога, чтобы мы никогда больше не увиделись...

– Конечно, увидимся, – я говорил совсем не то, но остановиться уже не мог. – Скажи мне свой телефон – я позвоню. Завтра. Как стемнеет. Да, кстати, как тебя зовут? А то мы даже не успели познакомиться!

* * *

Ее звали Эльвира. «Повелительница Тьмы!» – чуть не брякнул я, вспомнив название соответствующего фильма. Везет мне на экзотические имена! Сначала Генрих, теперь – Эльвира...

– А тебя как зовут?

– Влад.

– Влад Дракула-Цепеш? – ее глаза округлились.

Стокера начиталась. Или тоже фильмов насмотрелась.

– Да нет, – криво усмехнулся я. – Я не столь стар и крут.

– Ну ладно, – ей явно не хотелось расставаться, – до завтра. Ты позвонишь?

– Ну сказал же – позвоню!

– А завтра... завтра ты меня не укусишь?

Мне показалось, что эти слова Эльвира произнесла со скрытой надеждой – и мне это очень не понравилось.

– Нет, – пресек я ее надежды (если они и были) в самом зародыше. – Я на неделю вперед кровью накачался!

Пауза.

– Ой, у тебя в боку нож торчит!

– Правда?

Я легко выдернул засевшую во мне финку, о которой успел совершенно забыть. Неплохой ножик. Отер лезвие о траву и протянул ей.

– Дарю!

Испуганный взгляд, то и дело возвращающийся к месту, откуда я извлек нож.

– Не волнуйся. Я ведь уже умер, так что подобной игрушкой меня не убить. Бери. На память об этой ночи.

На этих словах мы и расстались.

Ну разумеется, я позвонил ей, и мы почти всю ночь гуляли по городу, и я больше не корчил из себя чудовище, чтобы оттолкнуть ее; я нес всякую чепуху, рассказывал ей байки из вампирской жизни – а она слушала меня с широко распахнутыми глазами, иногда ойкала, зажимала рот ладошкой, смеялась моим неуклюжим мрачным шуткам, а потом грустно вздыхала:

– Я понимаю, это должно быть страшно – жить так... Но ведь ты убиваешь всяких... *нехороших* – вроде тех, вчера?

– Стараюсь, – буркнул я. Ну вот, та же сказка, что и я придумал для себя когда-то! Только она, в отличие от меня, в эту сказку еще и *верит*! – Но иногда попадаются и нормальные люди. Ты знаешь, как я потом себя чувствую?!

– Бедный... – она потянулась ко мне, провела ладонью по моей щеке.

– Ты лучше бы их пожалела! – отстранился я. – Тех, которых мне приходится убивать! Представь, что на их месте окажется... твоя мать, отец, брат! Представила?

– Представила, – серьезно кивнула она, и некоторое время мы шли молча. Неужели наконец дошло?!

– Но ты ведь не можешь по-другому?

Рано обрадовался!

– Не могу. Знаешь, когда мне совсем хреново, я стара-

уюсь убедить себя, что правы буддисты. Что смерть – это и не смерть вовсе, а лишь переход в новое тело. Человек переходит в другую инкарнацию и живет дальше – как одежду сменил. Тогда получается, что я никого не убиваю, а просто дарю им новое рождение.

– А это... правда?

– Не знаю. Но очень хотелось бы в это верить. Так было бы легче *мне*. Да и *им* – тоже. Только это все теория, а на практике... сама видела.

– Я понимаю... (Ни черта ты еще не понимаешь!) Только это все равно здорово!

Я потрясенно остановился.

– Что – здорово? Быть мертвым, спать в гробу, бояться солнечного света и по ночам охотиться на людей?

– Нет... хотя и это... но ведь это совсем другая жизнь!

– Ага, вернее – смерть!

– Нет, жизнь! Ты ведь ходишь, разговариваешь, шутишь, куришь вон даже! И руки у тебя теплые! Не веришь?

– Верю... – я с изумлением понял, что она говорит правду. Что же со мной происходит?!

– А еще ты влюбился. В меня! Скажешь, неправда?

– Правда, – невесело усмехнулся я. – Только лучше бы тебе держаться от меня подальше! А мне – от тебя.

– Глупенький! Ты ведь живой! Хотя и вампир. Но ведь это просто здорово! Школа, потом институт, работа, семья, магазины, телевизор – разве это жизнь? А вот у тебя...

– Ну да, чужие глотки рвать – это действительно жизнь! – огрызнулся я.

– Ну почему ты опять... – на глазах у Эльвиры выступили слезы. – Да пусть даже глотки рвать! – вдруг выкрикнула она. – Все лучше, чем так... прозябать. Это по крайней мере – настоящее! Это – жизнь. Или смерть. Но – настоящая, а не та, что все себе придумывают, как в этих сериалах...

Она замолчала, всхлипнула.

– Ну что ты, милая, успокойся, – я обнял ее за плечи, и она вдруг вскинула голову, рванулась ко мне и припала к моим губам своими – такими нежными, такими сладостными...

Она чуть было не добилась своего. Ее шея была совсем рядом, она словно специально подставляла ее: белая бархатистая кожа и так соблазнительно, приглашающе трепещущая в ожидании жилка...

В последний момент я с невероятным усилием отшатнулся от нее, поняв: Эльвира действительно делала это *специально!* Она *хотела*, чтобы я ее укусил! А потом... потом у меня уже не будет другого выхода, кроме как сделать ее такой, как я – просто убить ее я бы не смог, и она это знала!

– Нет, девочка, не выйдет! – прохрипел я, с трудом подавляя туманящее разум нестерпимое желание. – Ты сама не понимаешь, что делаешь! Ведь обратной дороги уже не будет – даже если кто-нибудь всадит мне в сердце осиновый кол до рассвета! Это все красивые сказки, а как оно на самом деле – ты уже видела. И это еще не все! Неужели ты хочешь...

– Хочу, – очень серьезно ответила она, глядя мне прямо в глаза. – Ведь это мой единственный шанс стать *не такой, как все!* Стать такой, как ты! Ведь я тоже люблю тебя, – тихо добавила она.

– И я люблю тебя, девочка, – я провел рукой по ее волосам. – Это ново и необычно для меня, вампира, ночного убийцы – но я люблю тебя! Может быть, именно поэтому мои руки теплеют, когда мы вместе. Я ведь никогда никого не любил раньше... Но именно поэтому я не позволю тебе стать такой, как я! Я проклят, Эльвира! Я – мертвый, что бы ты ни говорила! А ты... тебе еще жить и жить! Лучше всего нам было бы расстаться, но... я уже не могу без тебя!

– А я – без тебя, – прошептала она. – Ну ладно, раз ты не хочешь – давай просто целоваться!

Мы целовались долго и самозабвенно. И в эти мгновения я на самом деле ощущал себя живым.

Потом, уже под утро, я спешил к себе, и не успевал, небо на востоке уже занялось ослепительным жгучим сиянием, еще невидимым для людей, но причинявшим мне боль; в голове колокольным звоном гудела бешено пульсирующая кровь, мысли путались, и я бежал из последних сил, я мчался, летел... я действительно летел! Впервые в своей посмертной «жизни» я смог взлететь – и это спасло мне «жизнь».

Я успел.

Успел в последние мгновения перед испепеляющим светом.

Да, что-то со мной действительно происходило.

* * *

...Два наполовину погруженных в прозрачный студень тела на высоких, похожих на надгробия, постаментах. Под потолком – пригашенные бестеневые лампы, как в операционной. Разноцветные водоросли проводов, болотные огоньки индикаторов, бельма экранов... Голоса. Обрывки фраз.

– ...по сценарию. Следующим... активация... экстремальные условия... градиент психической напряженности... – голос обволакивает серой ватой, в которой прячется отточенная хирургическая сталь.

– ...очень любопытных эффектов. Клиническая смерть... замедление метаболизма; сердце почти не бьется, дыхание... изменение химического... – уверенный индиго, карминовые прожилки нездорового интереса.

Кто же эти двое, залитые в студень, распятые на двух надгробиях? Кто?!

Почему-то мне это кажется очень важным. Но сфокусировать взгляд никак не удается, картинка плывет; последнее, что я вижу – чье-то лицо, склоняющееся...

* * *

Я уже видел этот сон, видел! Но он всякий раз ускользал, не давался, оставляя после себя лишь некие смутные, неясные ощущения – и лишь сегодня мне удалось удержать его в памяти, сохранить хоть что-то после пробуждения.

Я чувствовал: это было нечто большее, чем просто сон, игра причудливых образов. Некая иная, внутренняя реальность?

Или...

Что-то менялось во мне – впервые за двадцать с лишним лет посмертного существования!

* * *

...Разумеется, мы с Эльвирой (Эльвица, Элис¹, Девочка Эли² – я называл ее по-разному, и она каждый раз так искренне смеялась над очередным подобным прозвищем, что я не уставал выдумывать все новые) – разумеется, мы с Эли встречались с тех пор каждый вечер. Мы были уже не в силах расстаться, и я больше не предпринимал попыток оттолк-

¹ Элис – английское прочтение имени Алиса; (намек на «Алису в Стране Чудес» Л. Кэррола).

² Девочка Эли – главная героиня книг А. Волкова «Волшебник Изумрудного города» и др.

нуть ее; я понял – это судьба!

Через несколько дней (вернее, ночей) я, окончательно убедившись, что теперь способен летать аки птица (точнее, аки нетопырь!), продемонстрировал моей Эльвице свое новое умение. В тот вечер я специально надел длинный кожаный плащ с высоким воротником (мне все равно, во что одеваться: нам, упырям, при любой погоде ни жарко, ни холодно; так что плащ я одел исключительно для драматического эффекта). В этом плаще я действительно походил на своего тезку Влада Дракулу-Цепеша – особенно когда начал медленно подниматься в воздух, воздев руки к наливавшейся лимонной желтизной полной луне!

Девочка Эли просто ахнула, а я, ободренный подобной реакцией, свечой взмыл вверх, потом спикировал обратно, продемонстрировал Эльвире несколько воздушных пируэтов, смерчем закружился вокруг нее, не давая опомниться – и бесшумно приземлился рядом. Я чувствовал себя прекрасно – словно летал всю жизнь (и не только «загробную»)!

А потом я посмотрел ей в глаза и без слов понял, чего она сейчас хочет больше всего на свете. Нет, конечно, она хотела большего, но сейчас...

– *Welcome to Wonderland, Alice!*³ – и, подхватив ее, я снова взмыл в воздух.

Мы плыли над ночным городом, и у нее просто не было слов, чтобы выразить свои чувства, а когда я дал ей волю

³ Добро пожаловать в Страну Чудес, Алиса! (англ.)

налюбоваться открывающейся с высоты панорамой, то решил немного похулиганить и ринулся вниз, со свистом проносясь мимо окон домов, не сбавляя скорости на виражах, в последнее мгновение сворачивая в сторону, огибая деревья и фонарные столбы; мы неслись, словно черный вихрь, и на особо крутых виражах Эльвира визжала от восторга: она совсем не боялась!

Потом, когда наш безумный полет закончился на том же месте, откуда начался, она с сожалением высвободилась из моих объятий и посмотрела на меня снизу вверх.

– Это было так здорово, Влад!... Ну почему ты не хочешь, чтобы я тоже могла так?

Ну что я мог ей ответить?! Я уже рассказал и показал ей почти все – и это не произвело на нее никакого впечатления.

Она по – прежнему хотела стать вампиром!

Каприз ветреной девчонки?

Или – что-то большее?

Я не хотел этого.

Но я чувствовал: это – судьба.

Позволь, я коснусь тебя,
Войдет в кровь звериный яд,
И лунный священный свет
В тебе свой оставит след.
Ты будешь змеи быстрее,
Всех женщин земных нежней —
Позволь мне тебя коснуться – или убей!

Группа «Ария», «Зверь».

Разумеется, в конце концов она добилась своего, причем отнюдь не оригинальным способом. Я вполне мог бы это предвидеть – если бы любовная дурь не застила мне глаза! Это произошло через месяц после нашего знакомства.

Эльвица не раз за это время пыталась набиться ко мне в гости, но каждый раз ее попытки натыкались на мой вежливый, но твердый отказ. Одно из главных правил вампира: никому и никогда не выдавай своего убежища, если не хочешь, чтобы однажды к тебе заявили «гости» с осиновыми кольями! Даже «своим», таким же не-мертвым, не стоит показывать место, где ты спишь днем. А о людях и говорить нечего!

У каждого из нас было несколько убежищ, и каждый, в основном из «спортивного интереса», неоднократно пытал-

ся «вычислить» убежища других. Иногда нам это удавалось: я, например, знал пару мест, где прятался Генрих, и одно дневное пристанище Безумной Нищенки, которая извела в городе всех цыган – видать, уж очень насолили они ей при жизни! А Генрих наверняка знал о паре моих убежищ – но обо *всех* тайных местах другого не знал никто. Я, к примеру, отсыпался днем отнюдь не в своей старой квартире, где время от времени принимал друзей, учиняя ночные посиделки, а то и разгульные оргии (нет-нет, только танцы, вино (для гостей) и женщины, никакой крови, Боже упаси!).

В этой квартире Элис была уже несколько раз, но она хотела знать, где я *прячусь*, а узнать это я не мог позволить даже Ей! Мы, вампиры, немного «поведены» на собственной безопасности.

Не раз мы с Девочкой Эли гуляли по ночным кладбищам. Еще бы, романтика: ночь, серебрящиеся в лунном свете надгробия, чернильные провалы теней – словно разверстые могилы – а рядом с тобой – «живой» вампир! Благоухание сирени смешивается с запахом свежей земли и легким душком тления, адреналин бурлит в крови, жутковато-сладостная волна поднимается откуда-то из глубины души, все кажется сном, и в то же время ты понимаешь, что все это происходит наяву, *с тобой*, и в любое мгновение тот, кто идет рядом, может... О, как это возбуждает, как щекочет нервы! Я прекрасно понимал Эльвицу и немного подыгрывал ей, выбирая наиболее таинственные аллеи и рассказывая по дороге

соответствующие (в основном, тут же выдуманные) истории. И все же в этих прогулках было нечто большее, чем просто поиск острых ощущений для симпатичной девчонки. **ВЕДЬ МЫ НА САМОМ ДЕЛЕ ЛЮБИЛИ ДРУГ ДРУГА!** Во время подобных прогулок Эли нередко просила показать мою могилу или склеп, но я обычно отшучивался. (Пару раз мы проходили совсем рядом с убежищами Виктора или Безумной Нищенки, но я, естественно, ничего не говорил об этом Эльвире.) Так что вскоре Девочка Эли догадалась, что сплю я отнюдь не на кладбище, как положено вампиру (надо сказать, что так считала не только она, но и большинство «наших»).

А вот я этого никогда не понимал! Конечно, на старых кладбищах еще сохранилось некоторое количество склепов, где вполне можно переспать день, спасаясь от солнца. Но зачем спать в пыли и паутине, в жестком гробу, когда есть возможность обеспечить себе куда более комфортабельное и вполне надежное убежище? Помню, как-то пару раз пришлось отлеживаться днем в технических тоннелях метро (полезная вещь – подземка, когда не успеваешь затемно добраться до дому! хвала нашему мегаполису!). Но вот условия там... Бр-р-р! Конечно, когда выбора нет, и не в такую дыру забьешься, лишь бы спастись. Но спать в подобных условиях *добровольно*... Увольте! А склеп ведь, по сути, ничуть не лучше!

Короче, Эли меня в итоге раскусила, и вот как-то раз она

меня выследила!

Не знаю, как ей это удалось, но девчонка, у которой в голове гуляет ветер, и которая влюблена в вампира, способна и не на такое! В чем я очень скоро убедился.

Так что проснувшись в очередной раз после захода солнца и отперев свои тройные бронированные двери со множеством запоров, я обнаружил на лестничной площадке лукаво улыбающуюся Эльвицу!

– Так... – протянул я, бросил быстрый взгляд на лестницу, убедился, что, кроме Эльвицы, там больше никого нет – и одним движением втянул девушку в квартиру.

– Посидишь пока здесь, – сообщил я ей не терпящим возражений тоном, – а я иду на охоту. Часа через два вернусь. Можешь пока музыку послушать – комплекс вон стоит, компактны на полке над ним. Или на компьютере поиграй. Только не вздумай выходить! Вернусь – тогда поговорим.

– Я с тобой... – заикнулась было Эльвира, но я довольно резко оборвал ее:

– Сиди здесь, я сказал! Вернусь – поговорим.

И, прихватив связку ключей, я захлопнул за собой дверь и тщательно запер ее снаружи.

Состояние у меня было еще то, так что я снова проморгал две пули, испортившие очередной мой костюм. «Когда-нибудь эти болваны все же додумаются до серебра,» – с неприятным предчувствием подумал я, производя «контрольный выстрел» в голову неудачливого громилы из его же револь-

вера.

И поспешил домой, к ждавшей меня Элис.

Надо было серьезно объясниться с девчонкой – но когда, старательно заперев за собой дверь, я вошел в комнату, все заготовленные по дороге фразы мгновенно вылетели у меня из головы.

Моя Эльвица ждала меня в кровати, совершенно обнаженная, приняв позу, явно высмотренную в каком-нибудь «Плэйбое» или «Пентхаусе».

Она меня соблазняла!

И, надо сказать, делала это весьма успешно: я едва удержался от того, чтобы немедленно не сорвать с себя одежду и не прыгнуть к ней в постель.

– Хорошо смотришься, – с голосом я все же не совладал, и он прозвучал более сипло, чем обычно. – Некрофилией, значит, решила заняться? – я грубил ей намеренно, но ничего у меня из этого не вышло.

– Думаешь, обижусь? – она подмигнула мне – знаю, мол, что у тебя на уме, и знаю, какой ты «целомудренный». – И не надейся! Лучше лезь в постель, и займемся наконец тем, чем положено заниматься влюбленным.

– Чтобы спать с вампиром, надо хотя бы школу закончить! – строго заявил я, уже сдавшись, но все еще по инерции сопротивляясь. Ну не хотел, не хотел я ломать ей жизнь – но она сама сделала свой выбор!

Я заставил свое лицо посинеть, дал проступить трупным

пятнам, обнажил в кривой ухмылке пожелтевшие клыки: когда я захочу, я могу выглядеть и так.

– А я как раз сегодня последний экзамен сдала! – ничуть не смутившись, сообщила мне с кровати Эльвира. – Ты еще о родителях моих вспомни. Я им до лампочки! Сказала, что замуж выхожу – так они даже внимания не обратили! Решили, что я пошутила! В общем, хватит меня запугивать – я тебя уже всяким видела. Прекрати этот маскарад и иди ко мне! – скомандовала она – и я, махнув на все рукой, подчинился. В конце концов, если она так хочет, то почему я должен сопротивляться? Видит Бог – я сделал все, что мог!...

Я был у нее первым – но она была горячей и страстной, как будто уже знала толк в любовных играх. Ей было больно – но я мгновенно снял эту боль – уж на это-то моих способностей хватило! Я плыл в волнах ее тепла, купаясь в них, и я чувствовал, как бесконечная нежность к ней растворяет что-то в моем закоченелом и заскорузлом от крови мозгу, как я словно оттаиваю, и тело мое становится теплым... На мгновение мне даже почудилось, что у меня бьется сердце.

А потом все произошло само собой: знакомая, трепещущая в ожидании голубая жилка под бархатистой кожей, мой нежный, совсем легкий поцелуй, почти незаметная ранка...

Ей не было больно.

Она понимала, что происходит, и глядела на меня сияющими, полными смертного блаженства, счастливыми глазами, постепенно подергивающимися мутной поволокой.

Она уходила, уходила из жизни – ко мне, в мой мир, и я уже ничего не мог сделать: так было назначено Судьбой...

Я чуть не упустил тот неуловимый миг, когда жизнь на мгновение как бы зависает, покидая тело – но все же почувствовал его, спохватившись в последнее мгновение – и, одним движением вскрыв жилу на своей руке, притиснул этот брызнувший багрянцем фонтанчик к ее губам, даря ей то, чего она так хотела, не понимая, чего лишается, и что получает взамен. Она была еще совсем ребенком...

Потом я отнес ее – обмякшую, уже не живую, но еще не Восставшую, в соседнюю комнату, бережно уложил в стоявший там гроб. (Из этого гроба в свое время восставал и я. Давно следовало его выбросить, но – дурацкая сентиментальность не давала! Ностальгия, понимаешь!... Кто ж мог подумать, что он еще пригодится?!)

Аккуратно задвинул крышку.

Это – ритуал.

Спи, любимая.

До завтра.

Поцелуй был нежным и трогательным. Я заворочался, сладко потянулся – и открыл глаза.

Небольшие аккуратные клыки, блеснувшие у нее во рту, когда она улыбнулась, отнюдь не портили мою Эльвицу. Моя ответная улыбка вышла немного грустной: все-таки мне было немного жаль ту жизнерадостную и непосредственную Девочку Эли, которая умерла вчера.

Впрочем, мне тут же предоставилась возможность убедиться, что характер моей Элис ничуть не изменился:

Вставай, соня! Пора на охоту! Я проголодалась! Кого мы сегодня будем есть?

ГЛАВА II

THE UNFORGIVEN⁴

Как много девушек красивых —
Но слушай, друг, протри очки! —
У них зеленые глаза

⁴ «Непрощенные», т. е. «Проклятые» (англ.)

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.